

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

01.05.2023

Пространство осмысления

Последствия конфликта на Украине с точки зрения ведущих мировых интеллектуалов

№3 2023 Май/Июнь

DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-117-140

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Кандидат философских наук, заслуженный профессор, директор Института исследований культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Куренной В.А. Пространство осмысления // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 117–140.

В настоящем обзоре представлена позиция ряда наиболее известных в мире интеллектуалов, отреагировавших в течение прошедшего года на ситуацию и возможные последствия военного конфликта на Украине. «Интеллектуал», аналогом которого до известной степени является русское «интеллигент», – классическое «спорное понятие». Его семантическое определение нередко осуществляется в ходе дискуссий, подобных той, что возникла в России после публикации сборника «Вехи» (1909).

В нашем случае содержание этого понятия определяется так, как это принято в современных исследованиях^[1], а также с учётом соответствующих рейтингов, весьма, впрочем, пёстрых по критериям отбора^[2]. Интеллектуал совмещает в себе две роли – принадлежность к центрам производства научного знания и широкое присутствие в средствах массовой информации. Одна из эталонных фигур – Юрген Хабермас, сочетающий один из самых высоких рейтингов научного цитирования в социальных науках и высокую публичную активность в СМИ. Функция интеллектуала отличается от того, что выполняют учёный и эксперт, поскольку свободна от ограничений, свойственных им в процедурах обоснования суждений. Взгляд традиционно колеблется между двумя полюсами: надпартийным и по возможности научно-нейтральным утверждением «общего блага» и ролью «ангажированного интеллектуала», который маркирует политическую позицию (часто в последней выступают «коллективные интеллектуалы» – разного рода *think tanks*). Оба модуса представлены в этом обзоре.

Конфликт на Украине вызвал, прежде всего, волну эмоционально-ценностных реакций. Накал морализации, с которым во всё возрастающей степени ведутся современные культурные войны (борьба за политкорректность, *Black Lives Matter*, *Me Too* и др.), достиг предельного уровня, превратив львиную долю публичных высказываний в жанр ценностной аккламации. Поэтому при отборе источников важен критерий аналитического профессионализма, который также превратился в мишень для морализаторской критики. Пример удержания такой профессиональной позиции продемонстрировал [Герфрид Мюнклер](#), который следующим образом ответил на адресованные ему упреки в том, что он «смотрит на войну безучастным взглядом исследователя муравьёв» и «редуцирует международную политику к механизму власти и интересов, лишённому нормативного измерения»: «В [критикуемом] интервью я выступал как учёный ...Настойчивые же отсылки к собственной эмпатии или собственным политическим предпочтениям будут, скорее, мешать делу. <...> Поэтому я не чувствую себя задетым этой критикой, но рассматриваю её, как и другие подобные суждения, в качестве ещё одного выражения недостатка стратегического мышления в Германии»^[3]. Стремление удерживать подобный подход был весомым для настоящего исследования критерием выбора анализируемых авторов.

В истории интеллектуалов важное место занимает групповая мобилизация позиций, одним из самых ярких эпизодов которой был в своё время конфликт «дрейфусаров» и «антидрейфусаров» во Франции. Подобную реакцию породил и украинский конфликт. В Германии она приняла форму **коллективных открытых обращений**. Так, уже в апреле 2022 г. появилось «Открытое письмо канцлеру Шольцу», подписанное

первоначально группой из 28 интеллектуалов и художников с призывом «сделать всё возможное для скорейшего прекращения огня и достижения компромисса, который может быть принят обеими сторонами»^[4]. Авторы считают ошибочной позицию, согласно которой «решение о моральной ответственности за дальнейшую “цену” в человеческих жизнях среди гражданского населения Украины находится исключительно в компетенции их правительства», поскольку «морально обязывающие нормы носят универсальный характер». Спустя два месяца текст «Прекратить огонь немедленно!» опубликовала ещё одна группа интеллектуалов в газете «Die Zeit»^[5]. Оба письма вызвали резкую критику, площадкой которой стала, прежде всего, «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Появлялись аналогичные обращения к правительству и парламенту от сторонников военных действий (прежде всего, со стороны «зелёных»). То, что с весны 2022 г. поначалу разыгрывалось в форме конфликта интеллектуалов, затем вышло на уровень массовых манифестаций за прекращение войны в Германии и других странах.

Против «дичайших спекуляций»

О событиях на Украине дважды высказался один из самых известных и почтенных по возрасту мировых интеллектуалов **Юрген Хабермас**. В первом эссе «Война и возмущение»^[6] он поддержал сдержанную на тот момент линию Олафа Шольца по оказанию военной помощи Украине: «Меня раздражает самоуверенность, с которой в Германии возмущённые обвинители выступают против действующего рефлексивно и сдержанно федерального правительства». Речь идёт о раздражении выступлениями бывших пацифистов (прежде всего партии «Зелёных») в пользу более решительной военной поддержки Украины. Агрессивная риторика, активизировавшаяся в Германии, основана на том, что её сторонники упускают, согласно Хабермасу, основную военно-политическую дилемму, «перед которой война поставила Запад, связавший себе руки взвешенным, морально обоснованным решением в ней не участвовать».

Эта дилемма вынуждает Запад «рассматривать рискованные альтернативы в попытках избежать выбора из двух зол – поражения Украины или разрастания ограниченного конфликта в третью мировую войну».

Ситуация осложняется тем, что позиции России и Запада относительно использования оружия массового поражения на сегодняшний день являются «ассиметричными»: «Запад, уже не оставивший сомнений в своём фактическом участии в войне, с самого начала введя жёсткие санкции, должен тщательно обдумывать каждый последующий шаг при оказании военной поддержки Украине и задаваться вопросом, не переходит ли он тем самым неопределённую границу (неопределённую, поскольку она зависит лишь от того, как её определяет Путин) формального вступления в войну». Единственной правильной стратегией является одобряемый Хабермасом курс осторожных решений: «Остаётся лишь поле для дискуссий и доводов, требующих взвешенного рассмотрения в свете обязательных технических знаний и той необходимой информации, которая далеко не всегда находится в открытом доступе, чтобы иметь возможность принимать обоснованные решения». Необходимость осмотрительности определяется тем, что для Германии «существует порог риска, исключаяющий невоздержанное участие в гонке вооружений Украины». На этом фоне «истерические противники» линии правительства ведут себя не только безответственно, но и морально сомнительно: «Но разве не является благочестивым самообманом делать ставку на победу Украины в смертоносной войне против России, не взяв в руки оружие? Разжигающая вражду риторика плохо сочетается со зрительской ложей, из которой она так прекрасно звучит, ведь это не отменяет непредсказуемости соперника, способного положить все яйца в одну корзину».

Хабермас критически отзываясь о «дичайших спекуляциях» западных СМИ в отношении мотиваций российского руководства, рекомендует более обоснованную оценку: «Преобладающий сегодня образ Путина как решительного ревизиониста необходимо как минимум сопоставить с рациональной оценкой его интересов». В целом по тексту работы рассыпано множество ремарок по поводу манипулятивных элементов медийной репрезентации войны Украиной. Чтобы оценить смысл этих мимоходом оброненных критических замечаний, включая реплику о «моральном шантаже» Германии со стороны Украины, необходимо вспомнить работы Хабермаса, посвящённые сфере публичности и причинам её кризиса в силу превращения в пространство манипуляций.

Значительная часть текста посвящена тому, что в немецких дискуссиях называют «новым кризисом немецкой идентичности». Он выражается не только в активном косвенном участии в военном конфликте, но и в быстром формировании новой ценностно-ментальной реальности. Эту трансформацию канцлер Германии обозначил понятием «эпохальный поворот» (*Zeitenwende*), что, согласно Хабермасу, означает «конец модальности

немецкой политики, основанной прежде всего на диалоге и поддержке мира». Фигурой, воплощающей эту новую ментальную реальность, стала министр иностранных дел Анналена Бербок, которая «нашла убедительный образ для спонтанной идентификации с бурным морализаторским порывом украинского руководства». Хабермас диагностирует проблему различия отношения к происходящим событиям как поколенческую. **С одной стороны**, «молодые люди» «не скрывают своих эмоций и громче всех призывают к активному участию и вовлечённости», так что «создаётся впечатление, что абсолютно новые реалии войны избавили их от пацифистских иллюзий». **С другой стороны**, находятся «мы», те, кто «усвоили урок холодной войны, состоящий в том, что война против ядерной державы не может быть “выиграна” в каком бы то ни было адекватном смысле». Различие приобретает форму противостояния «национального и постнационального менталитета», а также коррелятивной ему пары героического (сам Хабермас не использует это понятие) и «постгероического» сознания^[7]. Разница между героическим/национальным и постгероическим/постнациональным менталитетом проявляется в том, что происходит на Украине и том, как гипотетически вели бы себя европейцы в этой ситуации: «Эта разница становится очевидной, если сравнить восторженное героическое сопротивление и очевидную готовность к самопожертвованию украинцев с тем, что в аналогичной ситуации можно было бы ожидать от западноевропейского общества. К нашему восхищению примешивается некоторое изумление уверенностью в победе и непоколебимым мужеством солдат и мобилизованных добровольцев, с мрачной решимостью защищающих свою родину от значительно превосходящего по силе противника. Мы на Западе, напротив, полагаемся на профессиональную армию, которую финансируем, чтобы в случае необходимости знать, что мы под защитой и нам не придётся самим брать в руки оружие». Свою работу Хабермас завершает «осторожной формулировкой» «Украина не должна проиграть войну», что помещает его на совершенно определённый фланг по отношению к паролу украинского политического руководства и сторонников продолжения войны «Украина должна выиграть войну».

Аргументацию в пользу скорейшего начала мирных переговоров Хабермас развил в тексте «Призыв к переговорам» в феврале 2023 года^[8]. В публичном пространстве доминирует воинственность, на фоне которой «колебания и размышления половины населения Германии» не имеют права голоса. Отчасти повторяя аргументы первой статьи, Хабермас развивает их с большим акцентом на моральные основания. Переговоры настоятельно необходимы, чтобы не позволить «затяжной войне унести ещё больше жизней и разрушений и в конечном счёте поставить нас перед безнадёжным выбором: либо активно вмешаться в войну, либо, чтобы не спровоцировать первую мировую войну между ядерными державами, оставить Украину на произвол судьбы». Нарастающие поставки оружия рискуют приобрести собственную логику, которая «может более или менее незаметно подтолкнуть нас к порогу третьей мировой войны».

Первый ключевой тезис эссе: «непоследовательно и безответственно» продолжать настаивать, что только Украина может принимать решения о возможных переговорах. Эта позиция представляет собой «хождение во сне на краю пропасти», поскольку не последовательно соединяет, с одной стороны, поддержку Украины и уверения Запада в том, что он будет поддерживать её «столько, сколько потребуется», и, с другой стороны, утверждение, будто только украинское правительство может определить время и цель возможных переговоров. Банально, что только воюющая сторона определяет свои военные цели и принимает решение о переговорах.

Но в ситуации с Украиной только Запад определяет, как долго она может продержаться.

Западные страны имеют собственные «законные интересы и обязательства». Они действуют в более широкой геополитической сфере и, соответственно, должны принимать во внимание не только интересы Украины; у них есть «юридические обязательства» в отношении безопасности своих граждан; Запад, наконец, несёт моральную со-ответственность за жертвы и разрушения, вызванные его оружием. Поэтому сам должен нести бремя важных решений, избегая самой опасной ситуации, «в которой превосходство российских вооружённых сил поставит его перед выбором: либо уступить, либо стать участником войны».

Основная линия аргументации философа исходит из указания на опыт войны как, прежде всего, «сокрушительного насилия»: Хабермас ссылается, в частности, на фоторепортажи с театра боевых действий, которые заставляют вспомнить «картины ужаса на Западном фронте в 1916 году». Он смещает баланс между желанием победить врага и желанием положить конец смерти и разрушениям, увеличивающимся вместе «с ростом силы оружия». Именно подобный опыт двух мировых войн привёл к «понятийному сдвигу» в сознании затронутых ими народов, из чего был сделан вывод о несовместимости войны с цивилизованным сосуществованием: «Насильственный характер войны утратил ауру естественности». Этот опыт, имеющий формулу также морального требования, получил, наконец, международно-правовое воплощение в преамбуле и второй статье Устава ООН 1945 г. (последняя требует «проводить мирными средствами ... улаживание или

разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»]. Речь шла теперь не просто о сокращении военного насилия в рамках «не слишком успешной» гуманизации права войны, а о том, чтобы «умиротворить (*pazifizieren*) само насилие войны посредством права». Именно этим Хабермас объясняет свою позицию: Запад, позволяющей Украине продолжать войну, «не должен забывать ни о количестве жертв, ни о риске, которому подвергаются возможные жертвы, ни о масштабах фактических и потенциальных разрушений, которые с тяжёлым сердцем принимаются ради законной цели». Использование войны – «симптом упадка исторического уровня цивилизованного взаимодействия между державами, тем более между державами, которые могли извлечь урок из двух мировых войн». Однако если вооружённый конфликт не удаётся предотвратить тяжёлыми санкциям, то необходимой альтернативой войне со всё новыми жертвами является поиск «приемлемых компромиссов».

В завершение Хабермас обращается к «ошибке альянса», который с самого начала оставил Россию «в неведении относительно конечной цели поддержки». Он допускает, что присоединение восточных областей Украины, создавшее такой тип российских притязаний, который неприемлем для Украины, было ответом на указанную ошибку, которая «оставляла открытой перспективу *regime change*» в глазах российского руководства. Если бы, полагает Хабермас, ясно заявленной целью поддержки стало восстановление статус-кво до 23 февраля 2022 г., это облегчило бы путь к переговорам и не привело к повышению и без того «неподъёмных ставок» с обеих сторон. Устойчивый результат, полагает Хабермас, не может быть достигнут без США, это касается и гарантий безопасности, которые Запад должен предоставить Украине. Ситуация в целом обнажила острую необходимость регулирования во всём регионе Центральной и Восточной Европы, выходящей за пределы текущего конфликта.

Именно потому, что конфликт затрагивает более широкий спектр интересов, «для пока ещё диаметрально противоположных требований может быть найден компромисс, сохраняющий лицо для обеих сторон».

Андреас Реквиц – ведущий современный культурсоциолог Германии – в апреле 2022 г. выпустил эссе «Крушение оптимизма по поводу прогресса»^[9], в котором попытался понять причины потрясения и наметить дальнейшую цивилизационную стратегию западного мира. Реквиц полагает, что причина испытанного шока – крах определённого типа исторософского (*geschichtsphilosophisch*) мышления, восторжествовавшего на Западе после падения Берлинской стены и исчезновения СССР. В это время здесь в полной мере восстановился образ мысли эпохи Просвещения, резюмированный Гегелем: история – поступательное движение прогресса, включающего в себя не только технику и науку, но и право, политику и мораль: «Это произошло не в последнюю очередь в форме теорий модернизации. В западных социальных науках, начиная с США, после Второй мировой войны сформировался влиятельный взгляд на социальные изменения, в котором западная модель предстала как нормальный случай развития: парламентская демократия, верховенство закона, рыночная экономика и социальная политика, безопасность, плюрализм и индивидуализм». И хотя едва ли можно найти более критиковавшийся на протяжении последних тридцати лет тезис, чем слова Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», представление, что для незападных стран нет другого пути, нежели «догоняющая модернизация», глубоко укоренилось во взглядах средних и молодых образованных поколений стран Западной Европы и США. События на Украине, признаёт Реквиц, являются лишь «последним ударом». В «модернизационной парадигме», выражаясь терминами Томаса Куна, накопилось слишком много «аномалий», которые и ведут к её революционной смене. Эти аномалии продолжают накапливаться и внутри западных стран.

«Запад с его либеральным образом мышления больше не главный игрок на сцене, но лишь один из участников конфликтов – наряду со многими другими». Три следствия новой ситуации, полагает Реквиц, очевидны. **Во-первых**, это деглобализация, которая началась уже в период пандемии. **Во-вторых**, для политики, особенно в Европе, ориентация на безопасность – как внутреннюю, так и внешнюю – становится проблемой в масштабе, невиданном со времён падения Берлинской стены. **В-третьих**, возникают идеологические конфликты, которых мир не знал после 1989 года. С точки зрения западных либералов, речь идёт о борьбе между либерализмом и авторитаризмом – как в лице России и Китая, так и в лице популистских движений в самих западных обществах^[10].

Особенность конфликта заключается в том, что другая сторона видит его в иной перспективе – «в ней национальная укоренённость противопоставляет себя мнимой безродности и декадансу либерализма».

Во время холодной войны Запад демонстрировал высокий уровень экономического процветания и значительную степень внутренней социальной однородности; при этом Соединённые Штаты с готовностью выступали в роли ведущей мировой державы. Сегодня ситуация изменилась: западные общества пережили сложный экономический структурный сдвиг (постиндустриализация) и находятся в процессе новых перемен, связанных с повесткой климатических изменений. Западные общества политически поляризованы и сталкиваются со значительными социальными проблемами. США отказались от роли мировой сверхдержавы. В странах второго мира появляется множество новых геополитических акторов, которым будет сложно адаптироваться к текущему блоковому мышлению.

Наиболее любопытно краткое заключение, в котором Реквиц пытается пока только обозначить новую перспективу: «Конечно, это не означает, что “проект модерна” (Юрген Хабермас) в западно-либеральном смысле должен быть отложен в сторону. Но вместо того, чтобы верить в непреодолимую силу модернизационного процесса и железных исторических законов, нужно заново понять и реализовать этот проект как нормативный и стратегический, сознающий свои слабости, а также осознающий своих противников. Мы привержены этому подходу, даже если глобальный успех в будущем не гарантирован».

Последнее замечание о превращении «проекта модерна» в «нормативный и стратегический» фактически означает молчаливый отказ от представлений о его ранее предполагавшейся ценностной универсальности: речь идёт лишь об одном варианте среди многих. Получается, что речь уже не об «общечеловеческих ценностях», включающих «универсальную мораль», но лишь о проекте, который следует теперь реализовывать «стратегически», т.е. осознавая инструментальный характер данного действия (если использовать это понятие, как нам подсказывает сам Реквиц, в смысле Хабермаса). Из этих кратких соображений Реквица можно сделать, однако, два далекоидущих вывода. **Во-первых**, перед миром в полном масштабе встаёт проблема ценностного релятивизма, крайнюю форму которого резюмирует афоризм «Либералам – либерализм, каннибалам – каннибализм» (*Liberalism for the liberals, cannibalism for the cannibals*). **Во-вторых**, это означает, что сильная позиция универсализма, с которой всегда выступала западная цивилизация и культура, становится вакантной или по меньшей мере открытой для конкурирующих и обновлённых идей и мировоззрений.

Постимперское пространство

Ведущий немецкий политический теоретик [Герфрид Мюнклер](#) – почётный профессор политической теории Университета Гумбольдта (Берлин) – комментировал украинские события, начиная с первого дня вооружённого конфликта. Наиболее развёрнутый доклад был прочитан 12 сентября 2022 г. в Баварской католической академии. Запись выступления Мюнклера «После войны на Украине: изменение мирового порядка и последствия для Европы» доступна на [Youtube](#)^[11].

Главную часть доклада Мюнклер предваряет пятью замечаниями.

Во-первых, нельзя ожидать, что военный конфликт на Украине быстро закончится, и трудно вообще представить его завершение.

Во-вторых, помимо конфликта на Украине в мире происходят другие важные события, так или иначе связанные с военными действиями. Особо важен вывод западных войск из Афганистана, а также обладающий «символическим значением» конфликт вокруг Тайваня. События в Афганистане «подводят черту под американской готовностью выступать гарантом [мирового] порядка, то есть заниматься инвестициями в общее благо».

В-третьих, происходит изменение расстановки политических сил в Европе: Германия обретает новую важную роль, теперь речь не об экономическом или фискальном, а о военном весе: «Этот вес она приобрела не столько благодаря своему военному потенциалу, сколько как производитель оружия». Таким образом, Германия стоит перед новым вызовом: «С одной стороны, необходимо продемонстрировать способность к лидерству, однако в то же время нужно делать это осмотрительно, разумно и дальновидно, чтобы, во-первых, способствовать миру, а не войне, и во-вторых, действовать так, чтобы не пугать другие европейские державы, – как сопоставимые по размерам с Германией, так и совсем небольшие. В силу исторического опыта мы знаем, что сильная Германия провоцирует образование европейских коалиций против неё, а этого нельзя допустить».

В-четвёртых, пандемия и события на Украине продемонстрировали уязвимость глобальных торговых связей: «Достаточно долго существовала уверенность в том, что глобальные торговые связи до определённой степени делают излишними такие факторы, как сферы влияния, доступ к сырью, доступ к рынкам и так далее. Они как будто релятивировали необходимость геополитических действий в отношении конкретных территорий. До некоторого момента это работало, но после пандемии, а теперь ещё и войны, в силу возникшего ощущения

взаимозависимости становится ясно, что глобальные торговые цепочки – не только решение, но и проблема. И именно поэтому сейчас мы увидим изменение баланса сил».

Глобальные экономические связи «потеряли политическую невинность» и превратились в средство политического давления.

Легко предположить, что в ближайшее время «произойдёт деконструкция глобальных экономических взаимозависимостей – именно деконструкция (*Rückbau*), а не демонтаж (*Abbau*)». В результате этой деконструкции возникнут новые «обширные экономические связи (*großräumige Wirtschaftskreisläufe*)».

Наконец, **пятое** предварительное замечание Мюнклера: он не разделяет мнения некоторых своих коллег о том, что в случае переговоров и скорого окончания военного конфликта на Украине всё быстро вернётся к ситуации до 24 февраля 2022 года: «Война оставит следы независимо от того, как она закончится... Германия, как и Европа, на долгие годы, возможно – на десятилетия, прошла пик своего процветания». Последнее имеет важные последствия в том числе для глобальных проблем, таких как изменения климата, процесс сокращения биоразнообразия, борьба с голодом и миграционные процессы. Подобные задачи уйдут на задний план в политической повестке дня. Они не исчезнут, но с представлением о «человечестве» как коллективном субъекте, способном к действию, придётся надолго распрощаться.

Первая часть доклада посвящена проблеме «постимперского пространства». «Мы видим очень мало, если сводим вопрос только к событиям на Донбассе и Украине, переделу или восстановлению границ». Единственный слайд, который сопровождает доклад, – фрагмент карты, в центре которого находится Чёрное море. Всё окружающее его пространство – от Венгрии и Хорватии на Западе до Грузии на Востоке и Турции и сопряжённых пространств на Юге – представляет собой постимперское пространство, образовавшееся в результате распада Османской, Австро-Венгерской и Российской империй, своеобразным образом восстановленной в форме СССР. Внутри этих империй «существовали определённые национальные конфликты, но одной проблемы у них точно не было – проблемы границ между национальной и государственной принадлежностью».

Исчезновение империй превратило оставшееся после них пространство в «пожароопасный очаг европейской политики».

«Реалистическая угроза» заключается даже не столько в угрозе ядерного конфликта, сколько в том, что «эта война может расширяться». «На мой взгляд, – резюмирует Мюнклер, – это... единственная причина, которую нужно всерьёз учитывать, чтобы не принимать безоговорочно сторону украинской партии, но постоянно следить за общей ситуацией и спрашивать себя: если мы поступим так или иначе, в каком смысле мы рискуем не столько продлить эту войну, сколько расширить её?» Хотя Соединённые Штаты вернулись в европейскую политику обеспечения безопасности, это ненадолго: «После этого вопрос о будущем данного пространства снова станет подлинно европейской проблемой... Всё это пространство в целом на протяжении ближайших десятилетий будет вызовом для европейской политики в рамках вопроса стабилизации». Эта стабилизация и замирение текущих и возможных новых конфликтов «будет стоить относительно больших денег для богатых стран Европы – в форме финансовых трансферов в данное пространство, так как проект замирения – это, конечно, покупка власти (*Gewaltabkauf*). Мы предоставляем вам некоторое благосостояние – не слишком много, но всё же достаточно, чтобы вы сдержали свою вражду, свои религиозные, национальные, этнические и прочие конфликты».

Вторая часть посвящена вопросу «Что такое ревизионистская сила и как она может быть умиротворена?» Понятие «ревизионистская сила» (или политика) является не только термином политической теории, но и категорией, которая используется для характеристики политической диспозиции различных стран в военно-политических доктринах. США используют это понятие в адрес России и Китая^[12], российские же эксперты до недавнего времени, напротив, в адрес США (ср. Истомин 2021). Существует, согласно Мюнклеру, три способа умиротворения ревизионистской силы: 1) трансфер благосостояния (*Wohlstandstransfer*); 2) умиротворение (*appeasement*) посредством заключения мирного договора; 3) сдерживание (*deterrence*) посредством формирования собственной военной силы. Трансфер благосостояния – основная стратегия умиротворения европейского «немирного континента» после окончания Второй мировой войны, которая позволяет

«удовольствию от процветания в настоящем» стать намного важнее «вечного погружения в воспоминания о прошлом». Эта модель предполагает, что на другой стороне находится «*homo economicus*, человек, мыслящий в экономических категориях». Как полагает Мюнклер, европейские лидеры до последнего момента выдвигали подобные экономические соображения, которые не возымели эффекта в случае России.

Модель умиротворения предполагает некоторую взаимность или же уравнивающий компромисс, удовлетворяющий ревизионистскую политическую силу.

Эта стратегия имеет весьма рискованный характер, так как её результаты могут оказаться лишь временной отсрочкой, разжигающей аппетиты ревизионистской силы.

Однако отсрочка по крайней мере позволяет накопить военные силы противоположной стороне: «Умиротворение – это двуликий Янус, он показывает тот или иной облик в зависимости от того, с какой стороны вы на него смотрите».

Модель сдерживания следует принципу Флавия Вегетия «*Si vis pacem, para bellum*» («Хочешь мира – готовься к войне»). Она также основана на экономической рациональности, предполагающей, что акторы оценивают плюсы и минусы нарушения мира. Современные демократии, полагает Мюнклер, до последнего времени предпочитали не слишком вкладываться в такую стратегию, так как она сопряжена со значительными экономическими издержками.

В последней части доклада Мюнклер обращается к проблеме будущего мирового порядка, основанного, как он считает, на господстве в мире «пяти глобальных сил». События 2022 г. снижают доверие к возможностям экономического контроля. Страны начнут больше полагаться не на экономические связи, а на военную силу, включая создание собственных ядерных вооружений: «Это, конечно, горькое разочарование, и понадобится немало времени, чтобы понять, что, собственно, произошло и что, по-видимому, является необратимым». Формула Дональда Трампа «*America first*» резюмировала отказ Соединённых Штатов от роли гаранта глобального нормативного порядка. Не следует ожидать, добавляет Мюнклер, что эту роль может играть Китай: «Китай слишком осторожен и не будет брать на себя обязательства, которые требуют огромного объёма сил и финансов, а сосредоточится на своих сферах влияния, которые он организует вдоль своих новых [торговых] путей». Глобальный мировой порядок под эгидой США потерпел неудачу также в силу культурных оснований: «китайцы, как и русские, обратили внимание на понятие “суверенитет”, но использовали его как своего рода аргумент защиты против насаждения западных ценностей, то есть против универсалистской морали... Это консервативная концепция суверенитета как формы защиты против создания подобного мирового порядка».

Структура нового миропорядка, согласно Мюнклеру, будет включать в себя пять глобальных сил и «второй мир». Пять глобальных сил – это в первую очередь США и Китай, а также Россия «в силу её географии и наличия атомного оружия», Евросоюз «при условии, что европейцам удастся превратиться из хозяйственников, действующих по правилам (*Regelbewirtschaftler*), в игроков, способных к действию», и, наконец, Индия как пятая глобальная сила.

Однако успех и лидерство во взаимодействии данных сил будет в значительной степени зависеть от союзников во втором мире – Африке, Латинской Америке, различных частях Азии.

Мюнклер делает следующие выводы.

Во-первых, «общие задачи человечества» (глобальные проблемы, такие как климатические изменения) отойдут на второй план и станут предметом переговоров и компромиссов между пятью главными силами. Это приведёт к снижению влияния неправительственных организаций, значение которых в последние два десятилетия было очень велико.

Во-вторых, ситуация в мире будет в значительной мере зависеть от отношений между указанными пятью главными силами, «безотносительно к тому, доверяют они друг другу или нет».

В-третьих, Китай не стал использовать ситуацию, чтобы захватывать Тайвань, из чего – равно как и из наблюдений за действиями его в процессе борьбы с пандемией – можно заключить, что это очень осмотрительная страна, проводящая весьма осторожную политику.

В-четвёртых, в случае Соединённых Штатов открытым остаётся вопрос, придёт ли к власти Трамп или кто-то ему подобный.

В-пятых, «в Европе происходит своего рода смещение политического баланса. Возможно, ЕС переживёт премьерство госпожи Мелони в Италии, может быть, он переживёт даже то, что президентом в Париже станет блондинка [т. е. Мари Ле Пен]. Но ЕС не переживёт федеральное правительство во главе с “Альтернативой для Германии” в Берлине. Это показывает, как меняют здесь своё значение различные силы».

Европейцам придётся «следить за всей зоной от Чёрного моря до Западных Балкан. Здесь всё будет результатом баланса, предполагающего горячие споры в структурах ЕС, равно как и среди немецких политиков». Предстоят непростые решения, в рамках которых придётся делать выбор между «ценностями или геополитическими аспектами возникающих проблем».

Ведущий немецкий научно-популярный журнал по философии «*Philosophie Magazin*» посвятил свой третий выпуск в 2022 г. событиям на Украине, назвав номер «Конец иллюзии: война вернулась, как её понимать?» Среди нескольких статей, посвящённых скорее общим размышлениям, выделяется развёрнутое интервью с историком **Йоргом Баберовским** «Мы должны серьёзно воспринимать обиду исчезнувшей империи»^[13]. Баберовский – профессор восточноевропейской истории в Берлинском университете Гумбольдта, специалист по истории советской России. Учёный выступил в журнале в роли «*Russlandversther*» («человека, понимающего Россию»), размышляющего о долгосрочных причинах происходящего.

Он начинает с воспоминаний о своём пребывании в Советском Союзе в 1991 г., где лично наблюдал, как «развалилась империя»: «Я видел, как плакали люди, которые не могли смириться с тем, что Советского Союза больше не существует». Если понятие «братские народы» вообще имеет какой-то смысл, то точнее всего оно описывает именно отношения между русскими и украинцами: «Миллионы украинцев живут в России, так же, как и многие русские на Украине», их объединяет больше вещей, чем разделяет. Историк признаёт, что не считал начавшийся военный конфликт возможным: «Война и чрезвычайное положение подобны чуду в теологии».

Тем не менее, «понимающие Россию» были правы, когда указывали на необходимость принимать всерьёз обиду и боль по утраченной империи.

«Мы больше не помним культ героического, мы забыли, что значат честь и борьба в жизни определённых людей. Можно было бы догадаться, куда приведут эти тенденции...». Распад империи – «процесс, результаты которого ощущаются в жизни последующих поколений. Иногда последствия бывают ужасающими в силу того, что национальные государства, возникающие из империй, изнуряют себя внутренними войнами». Положение меньшинств всегда становится нестабильным, «когда национальные государства определяют себя этнически и пытаются гомогенизировать себя. Государства, возникшие в результате отделения, должны сочинить обоснование, историю, чтобы их независимость выглядела исторически правдоподобной. Но это можно сделать только путем делегитимации всего, за что выступала империя». «Проклятие интеграции лежит на империи, – считает Баберовский. – Россия не может выбирать, быть ей империей или нет. Она должна признать наследие, которым управляет. Политиков Запада можно упрекнуть в непонимании того, что акт её распада не является концом империи». Баберовский не исключает, что военный конфликт на Украине перерастёт в «затяжную, кровопролитную гражданскую войну».

Не ведёт ли позиция «понимания», которую занимает Баберовский, к оправданию, спрашивает собеседник. «Понимать не значит оправдывать. ... Не нужно быть историком, чтобы давать моральную оценку. Историк должен понять и объяснить, как это могло произойти. Понять значит увидеть мир глазами других ...». Историк также напоминает простое правило: тот, кто судит с моральной точки зрения, сам должен быть безупречен, однако «США вторглись в Ирак вопреки всем нормам международного права и оправдали это нарушение ложью. С тех пор Ирак разрушенная и опустошённая страна». Происходящие события «пробудили всех нас»: «Германия не является пупом земли, наши проблемы не интересуют никого за пределами наших границ. Годы полностью игнорировалось то, что мы живём в исключительных обстоятельствах, в умиротворённом пространстве, где обсуждаются только псевдопроблемы сытого и самодовольного общества, которые никого на Украине и в России не интересуют». На вопрос, как поступать Западу, чтобы не допустить худшего сценария

развития событий, Берковский ответил кратко: «Единственная дверь, которая куда-то ведёт, – это разговор. Другой возможности у нас нет».

От палеолибералов до палеоконсерватров

Далее будет рассмотрена реакция на украинские события 2022 г. по принципу репрезентации основных политических позиций. **Фрэнсис Фукуяма** представляет либеральную позицию (во всяком случае, во взглядах на международные отношения), **Патрик Бьюкенен** – позицию крайних американских консерватров, **Антонио Негри** и **Николя Гильо** – левый спектр европейских политических взглядов.

Фрэнсис Фукуяма в эссе «Ещё одно доказательство того, что это действительно конец истории»^[14] выступил в защиту своего тезиса 1992 года. Последнее десятилетие было отмечено подъёмом авторитарных государств, лидерами которых выступали Китай и Россия, что привело к распространению широкой авторитарной волны, повернувшей назад демократические завоевания по всему миру – от Мьянмы до Туниса, от Венгрии до Сальвадора. Однако 2022 г. показал, по мнению Фукуямы, что модель сильного государства имеет фундаментальные недостатки двух типов. **Во-первых**, концентрация власти в руках одного лидера ведёт к принятию «плохих» решений, что, в конечном счёте, чревато катастрофическими последствиями^[15]. **Во-вторых**, отсутствуют публичные дискуссии, что, в частности, создаёт иллюзию поддержки лидеров, которая может развеяться очень быстро. Приходится признать также высокий уровень распространения популистских политических сил, как в Европе, так и в Соединённых Штатах, причём между внутривнутриполитическим популизмом и успехом сильных государств по всему миру «существует тесная связь». Ещё одним фактором, снижающим популярность либерально-демократической модели, является её самоочевидность в западных странах: «Поскольку те, кто вырос в демократиях, никогда не сталкивались с настоящей тиранией, они воображают, что демократически избранные правительства, при которых они живут, сами являются злыми диктатурами, потворствующими лишению их прав».

Наиболее, пожалуй, известный за пределами США американский консерватор (палеоконсерватор) Патрик Бьюкенен также высказался предсказуемо – против вмешательства в вопросы, лежащие далеко за пределами сферы американских интересов. В колонке «Победители и проигравшие в войне на Украине»^[16] он задаётся вопросом: «Соответствует ли эта новая холодная война с Россией, в которую мы, похоже, ввязались, национальным интересам Соединённых Штатов, которые так приветствовали мирное окончание прежней холодной войны три десятилетия назад?». Этот вопрос ставится в контексте описания значительных потерь и трудностей, как со стороны Украины, так и со стороны России в ходе текущих военных столкновений. Бьюкенен указывает на то, что Вашингтон чрезвычайно расширил свои обязательства, раздвигая границы НАТО: «Какая польза для США от отправки войск в прибалтийские республики? Стали ли мы сильнее, находимся ли мы в более безопасном и надёжном положении теперь, когда взяли на себя обязательство воевать с Россией, чтобы защитить 830-мильную финско-российскую границу, о чём ни один солдат холодной войны раньше и мечтать не мог? Стало ли нам лучше, от того что все страны Варшавского договора и три республики старого СССР теперь являются союзниками НАТО, и за независимость которых мы берём обязательство бороться с Россией?».

С другой стороны, нынешняя политика США привела к возрождению «советского-китайского пакта» 1950-х гг., направленного против Запада и его восточных союзников: «Там, где президент Ричард Никсон, казалось, отделил Китай Мао от России, нынешнее поколение американских лидеров, похоже, восстановило эту враждебную дуополию». Сегодня положение для Америки оказалось намного более рискованным, чем раньше: «В годы первой холодной войны Восточная Европа и страны Балтии были признаны сателлитами Советского Союза... Но это не было поводом для военного конфликта между нами. Когда мы привели практически всю Восточную Европу в НАТО, именно мы, а не Путин, сделали её независимой от Москвы и союз с Западом вопросом, ради которого мы берём обязательства начать войну». «Пока русские и украинцы убивают друг друга на Донбассе, – завершает свой текст Бьюкенен, – а ненависть русских к американцам растёт, чем это хорошо для Соединённых Штатов? Возможно, мы должны потратить столько же времени и сил на прекращение этой войны, сколько мы тратим на то, чтобы победить и унижить Россию, а это не принесёт нам покоя». В следующей своей колонке «Где расходятся цели США и Украины»^[17] Бьюкенен отмечает, что «лучший сценарий для Киева заходит дальше, чем Вашингтон может ему в этом помочь». Никакие события в Европе, равно как и вопрос контроля Крыма и Донбасса не могут быть оправданием войны Соединённых Штатов и России: «Американцам лучше всего начать обдумывать исход этой войны, который может положить конец кровопролитию».

Рассмотрим теперь позицию интеллектуалов с левого фланга. Антонио Негри и Николя Гильо в августе 2022 г. опубликовали колонку «Новая реальность?»^[18]. Авторы указывают на дефицит реализма в позиции западных обществ, подчёркивая черты мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны: «Не мешало бы почаще напоминать себе, что с 1945 г. ядерные арсеналы поставили абсолютные пределы мировым конфликтам и возможности существенно видоизменить глобальный порядок. Между ядерными державами существует негласная договорённость, что этот порядок не может быть радикально изменён. Мы не должны пытаться выяснить, где находится точка разрыва».

После холодной войны многие были убеждены, что живут в «новой реальности», но мир, связанный глобальными рынками, производственными и коммуникационными системами, оказался менее гибок, чем казалось.

Россия, обладая богатыми запасами сырья и высокоразвитыми военными и космическими технологиями, несмотря на санкции Запада, остаётся частью глобальной экономики.

В этой ситуации «нет ничего более опасного, чем принять опосредованную войну (*proxu war*) между ядерными державами за асимметричный конфликт против “террористического государства”, ведущийся во имя высоких идеалов, таких как “демократия” или “права человека”». Реализму, к которому призывают авторы, препятствует запущенная на Западе машина пропаганды: «Демократия, антифашистское сопротивление и борьба с империализмом – благородные цели, но они легко поддаются манипуляциям (не так давно ими мотивировали специальную военную операцию по “денацификации” Ирака). Поскольку сейчас они являются основным нарративом для украинского сопротивления российскому вторжению, реализм де-факто рассматривается как ассимилированный кремлёвской пропагандой».

Попытка таких интеллектуалов, как Джон Миршаймер и Юрген Хабермас, противопоставить этому идеализму реалии международной политики оборачивается ожесточённой критикой. Обращаясь к различным попыткам представить себе поражение России и аргументам в пользу продолжения войны и справедливого характера боевых действий, авторы заключают: «Любые разговоры о “победе” бессмысленны». Происходящее, по мнению Негри и Гильо, является поворотным пунктом в истории Европы. Высока вероятность раскола между Восточной и Западной Европой, и это будет окончанием Европы как политического проекта. Реализм необходим, чтобы такого не допустить. Во-первых, надо признать, что интересы Евросоюза расходятся с интересами Вашингтона. Он возник вне основных стратегий США, для которых НАТО всегда была более важна. Достигнутые в европейском объединении успехи нельзя приносить в жертву ради ослабления России. Основные издержки от конфликта – потоки беженцев, последствия санкций, проблемы с энергоносителями – несёт не Америка, а Европа. Увеличение военных бюджетов ударит по системе социального государства, которая и без того ослаблена десятилетиями неолиберального экономического курса.

Кроме того, указывают авторы, в случае эскалации конфликта именно Европа станет основным театром военных действий.

Воинственно настроенные американские интеллектуалы уже прямо говорят о необходимости воспользоваться расширением НАТО для политического ослабления и перераспределения сил в Европе, в частности путём сокращения влияния Германии, Франции и Италии^[19]. Предложения о создании своего рода теневого Евросоюза, в большей мере ориентированного на трансатлантические программы, уже обсуждаются и на политическом уровне в Великобритании^[20].

Единство Евросоюза, таким образом, входит в скрытое противоречие с целями НАТО, которые включают теперь в себя сдерживание Китая. Вступление в альянс Швеции и Финляндии также создаёт здесь новые линии разлома. Главная задача в текущей ситуации положить конец войне: «Европа – это не клуб победителей. Она построена на отказе от войны, ограничении государственного суверенитета и принятии федерализма в качестве основополагающего принципа. Её главной целью всегда было установление мира на континенте, и она должна сохраняться и сегодня, если Европа хочет выжить». Помощь Украине должна быть тщательно выверенной, сопровождаться ясными дипломатическими условиями, «чтобы не помешать будущим переговорам или отношениям с Россией. Рано или поздно будет найдено переговорное решение, которое, вероятно, будет соответствовать контурам Минских договорённостей». Европе необходимо дистанцироваться от большой стратегии Соединённых Штатов, пытающихся найти «политическую формулу для приспособления к глобальному упадку американской мощи и утрате престижа». Новая холодная война не восстановит превосходство Америки, но нанесёт ущерб Европе. В США европейцам необходимо ориентироваться на растущую группу «сдержанных» (*restrainers*), выступающих за менее воинственную внешнюю политику^[21].

* * *

Ведущие интеллектуалы, представляющие разные политические позиции, в значительной мере сходятся в оценке событий на Украине – исключение здесь составляет только Фукуяма, который, скорее, продолжает быть озабоченным правотой своего старого тезиса о «конце истории». Хабермас, Мюнклер, Негри и Гильо, Бьюкенен придерживаются реалистской позиции относительно того, как необходимо действовать в возникшей на Украине ситуации. Никак не одобряя действий России, все они учитывают базовые особенности мирового порядка, сложившегося во второй половине XX века, основанного, в том числе, на факторе политического баланса ядерных держав. Несмотря на значительные изменения, произошедшие в мире после исчезновения СССР, этот фактор сохраняет ключевую значимость для мирового порядка. Основной моделью осмысления того, что происходит в настоящее время на Украине, а также регионах, окружающих Чёрное море, является постимперское пространство (Мюнклер, Баберовский). Здесь продолжают развёртываться конфликтные процессы, в которых логика империи – политического образования, основанного на принципе мира между различными этносами, религиями и языками, – вступает в противоречие с логикой национального, т. е. монокультурного, государства. Практически все авторы сходятся в том, что единственный способ разрешения конфликта – скорейший переговорный процесс, который должен привести к прекращению военных действий. Большинство изложенных позиций задают национальную или региональную точку зрения; к проблеме нового мирового порядка пытается обратиться только Герфрид Мюнклер, Фукуяма продолжает настаивать на своем тезисе о «конце истории». Наконец, работы Хабермаса примечательны также тем, что диагностируют, помимо прочего, глубокую культурную трансформацию в Германии, вызванную событиями 2022 года. Сочувственная солидаризация, прежде всего, молодых поколений немцев с Украиной привела к появлению консолидированной партии сторонников ведения военных действий (что можно квалифицировать как пока ещё символическое пробуждение немецкого милитаризма[22]), а также возрождению националистических и «героических» настроений. Эти процессы идут вразрез с установками, которые на протяжении всей своей жизни отстаивал сам Юрген Хабермас[23].

Между двумя законами

Макс Вебер

Антимилитаристской «нейтральностью» швейцарцев и их неприятием мощного государства часто обусловлено многое в довольно фарисейском непонимании трагичности исторического долга народа, который организован в великую державу.

Подробнее

СНОСКИ

[1] См.: Posner R.A. *Public Intellectuals. A Study of Decline*. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 456 p.; Куренной В.А., Никулин А.М., Рогозин Д.М., Турчик А.В. *Мыслящая Россия. Интеллектуально-активная группа*. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2008. 233 с.

[2] Такой ежегодный рейтинг с 2005 по 2019 гг. публиковал, в частности, журнал *Foreign Policy*, причём он проделал довольно значительную эволюцию с точки зрения своей структуры, включив, например, в рейтинг 2019 г. категорию «*The Strongman*», где присутствовали политические лидеры России, Китая и других стран. В целом современные рейтинги такого рода всё больше отходят от классической фигуры интеллектуала, включая «лидеров мнений» в различных областях.

[3] Münkler H. Die Ukraine steht im Begriff, den Krieg zu verlieren // *Die Welt*. 31.05.2022. URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/plus238979149/Politologe-Herfried-Muenkler-Die-Ukraine-steht-im-Begriff-den-Krieg-zu-verlieren.html> (дата обращения: 15.02.2023).

[4] Динамика числа подписей под петицией, достигших к концу января 2023 г. почти 500 тыс., а также данные социологических исследований мнения жителей Германии о прекращении войны. См.: *Der Offene Brief der 28 – Chronik der Reaktionen* // Emma. 19.01.2023. URL: <https://www.emma.de/artikel/offener-brief-der-28-chronik-der-reaktionen-339483> (дата обращения: 15.02.2023).

[5] *Der Appel. Waffenstillstand jetzt!* // *Die Zeit*. 29.06.2022. URL: https://www.zeit.de/2022/27/ukraine-krieg-frieden-waffenstillstand?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.02.2023).

[6] Habermas J. *Krieg und Empörung* // *Süddeutsche Zeitung*. 28.04.2022. URL: <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/das-dilemmades-westens-juergen-habermas-zum-krieg-in-der-ukraine-e068321> (дата обращения: 15.03.2023).

- [7] В немецкой истории это различие может быть возведено, в частности, к работе Вернера Зомбарта, определившего в 1915 г. Первую мировую войну как войну «за веру» между «торгашами» (Англия) и «героями» (Германия). См.: Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2005. С. 5–102.
- [8] Habermas J. Ein Plädoyer für Verhandlungen // Süddeutsche Zeitung. 14.02.2023. URL: <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/juergen-habermas-ukraine-sz-verhandlungen-e159105/> (дата обращения: 15.03.2023).
- [9] Reckwitz A. Der erschütterte Fortschritts-Optimismus // Bundeszentrale für politische Bildung. 10.04.2022. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/507282/der-erschuetterte-fortschritts-optimismus/> (дата обращения: 15.03.2023).
- [10] Подробнее о причинах подъёма популистских партий Реквиз пишет в своей последней книге. См.: Reckwitz A. Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne. Berlin: Suhrkamp, 2019. 305 S.
- [11] Münkler H. Ukraine, Krieg, neue Weltordnung [Видеозапись выступления Г. Мюнклера] // YouTube. 15.09.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Eh0v-n95BBA> (дата обращения: 15.03.2023). С некоторыми вариациями аналогичная открытая лекция прочитана Г. Мюнклером также в Берлин-Бранденбургской академии наук 5 октября 2022 г. См.: Münkler H. Der Ukrainekrieg, seine Folgen für Europa und die globale Ordnung [Видеозапись выступления Г. Мюнклера] // YouTube. 09.10.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fwblRDdxSJA&t=667s> (дата обращения: 15.03.2023).
- [12] National Security Strategy of the United States of America // The White House. 18.12.2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
- [13] Baberowski J. Man muss die Kränkung über das verloren gegangene Imperium ernst nehmen // Philosophie Magazin. 2022. Nr. 3. S. 14–19.
- [14] Fukuyama F. More Proof That This Really Is the End of History // The Atlantic. 17.10.2022. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/> (дата обращения: 15.03.2023).
- [15] С Фукуямой в этом вопросе некоторым образом полемизирует политолог Ян Вернер Мюллер, обращая внимание на способность современных автократий к самообучению: «В начале XXI века демократиям пришлось узнать, что автократии также способны учиться и даже внедрять инновации – особенно в создании практической модели, которая управляется с гораздо меньшими репрессиями, чем диктатуры XX века». См.: Müller J.-W. Der neue Kalte Krieg und andere Illusionen // Ironiefreie Zone. Zeitschrift für Ideengeschichte. 2022. Heft XVI/4. Winter. S. 21–30. Статья размещена в спецвыпуске «Журнала по истории идей», также посвящённом последствиям событий на Украине. Заголовок спецвыпуска – «Зона, лишённая иронии» – призван обозначить случившийся в 2022 г. исторический переход от прежней ироничной эпохи «расставания с принципиальным» (Одо Марквард) и «прогрессивной универсальной поэзии» Запада к новой «серьёзной» реальности.
- [16] Buchanan P.J. Winners and Losers in the Ukraine War // The American Conservative. 03.09.2022. URL: <https://www.theamericanconservative.com/winners-and-losers-in-the-ukraine-war/> (дата обращения: 15.03.2023).
- [17] Buchanan P.J. Where US and Ukrainian Aims Collide // The American Conservative. 22.10.2022. URL: <https://www.theamericanconservative.com/where-us-and-ukrainian-aims-collide/> (дата обращения: 15.03.2023).
- [18] Negri A., Guilhot N. New Reality? // Sidecar–New Left Review. 19.08.2022. URL: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/new-reality> (дата обращения: 15.03.2023).
- [19] Пример подобной ястребиной позиции представлен политологом Э. Коэнном. См.: Cohen E.A. Let's Use Chicago Rules to Beat Russia // The Atlantic. 06.07.2022. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/07/madrid-nato-summit-2022-russia-ukraine/661494/> (дата обращения: 15.03.2023).
- [20] Fubini F. Il piano segreto di Boris Johnson per dividere l'Ucraina da Russia e Ue: il Commonwealth europeo // Corriere della Sera. 26.05.2022. URL: https://www.corriere.it/economia/finanza/22_maggio_26/piano-segreto-boris-johnson-dividere-l-ucraina-russia-ue-commonwealth-europeo-02d3b232-dc6b-11ec-b480-f783b433fe60.shtml (дата обращения: 15.03.2023).
- [21] Речь идёт, в частности, о Quincy Institute for Responsible Statecraft, образованном в 2019 г. См.: Walt S. A Manifesto For Restrainers // Quincy Institute for Responsible Statecraft. 04.12.2019. URL:

<https://quincyst.org/2019/12/04/a-manifesto-for-restrainers/> (дата обращения: 15.03.2023).

[22] Тема милитаризма и брутализма немецкой культуры была предметом исследования в последней работе Норберта Элиаса. См.: Elias N. The Germans: Power Struggles and the Development of Habitus in the Nineteenth and Twentieth Centuries. New York: Columbia University Press, 1996. 494 p.

[23] Совершенно безжалостно в адрес 93-летнего философа высказался один из его молодых критиков в FAZ: «Всё, чего, как считал Юрген Хабермас, он достиг за свою жизнь в качестве политического комментатора, в наши дни распадается... чувство эмпатии побеждает расчётливую рациональность, основанное на политике памяти скептическое отношение к пафосу и общности уступает место взволнованному выражению долга защиты и союзнической верности. Даже трезвый канцлер Германии теперь призывает к «патриотизму»». См.: Straus S. Sollen wir Putin um Erlaubnis fragen? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 30.04.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/juergen-habermas-aeussert-sich-zum-ukraine-krieg-17993997.html> (дата обращения: 15.03.2023).

#война #наука #политика #политология #украинский кризис #философия